

**ПОЛЕВЫЕ
ЗАПИСИ (ИНТЕРВЬЮ)
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК**

**ЁДДОШТҲОИ
ТАДҶИҚОТИ САҲРОИ
(МУСОҲИБАҲО) ҶАМЧУН
САРЧАШМАИ ТАЪРИХӢ**

**FIELD NOTES
(INTERVIEWS) AS A
HISTORICAL SOURCE**

Файзуллаев Мухиддин Файзуллаевич, к.и.н., доцент кафедры археологии и этнографии таджикского народа; **Пулатова Адолат Исроиловна**, преподаватель общепедагогической кафедры истории таджикского народа ГОУ «ХГУ имени акад. Б.Гафурова» (Худжанд, Таджикистан)

Файзуллоев Мухиддин Файзуллоевич, н.и.т., доцент кафедры археологии и этнографии халқи тоҷик; **Пулатова Адолат Исроиловна**, муаллимаи кафедраи умумидонишигоҳи таърихи халқи тоҷики МДТ “ДДХ ба номи акад. Б.Гафуров” (Тоҷикистон, Хуҷанд)

Faizullaev Muhiddin Faizullaevich, candidate of historical sciences, Associate Professor the department of home history and archeology; **Pulatova Adolat Israilovna**, lecturer of history department of Khujand State University named after acad. B.Gafurov (Tajikistan, Khujand),
E-mail: adolatjon@list.ru

Ключевые слова: этнографическое исследование, полевые материалы, информатор, респондент, старожил, воспоминания, интервью, интервьюер

Изучаются этнографические материалы, собранные в ходе полевых работ, определяется их роль в исторической науке. Отмечается, что полевые записи, собранные в ходе бесед с респондентами – пожилыми людьми, жителями города Худжанда и его окрестностей, большинству из которых на момент интервью было от 70 до 95 лет, помогли пролить свет на многие события отечественной истории, в особенности на изменения, произошедшие в социальных слоях городского общества. Следует заметить, что ценность собранных этнографических материалов заключается в том, что в других источниках практически невозможно найти информацию, которую дают информанты.

Вожаҳои калидӣ: тадқиқоти мардумшиносӣ, маводи саҳроӣ, оғаҳидиҳанда, посухдиҳанда, куҳансолон, ёддоштҳо, мусоҳиба, мусоҳиб

Дар мақола маводи мардумшиносие, ки дар рафти тадқиқоти саҳроӣ фароҳам омадаанд, омӯхта шуда, нақши онҳо дар пажӯҳишҳои таърихиносӣ муайян мегардад. Тазаккур меравад, ки маводи саҳроие, ки аз дар рафти мусоҳиба бо респондентҳо, ашхоси куҳансол, сокинони шаҳри Хуҷанд ва атрофи он, ки аксарияташонро ашхоси 70-95- сола ташиқил мекарданд, ҷамъоварӣ шудаанд, барои равшан сохтани бисёр ҳодисаи таърихи Ватан ва махсусан тағироти иҷтимоие, ки дар табақаҳои иҷтимоии шаҳр ба амал омадаанд, кӯмак мерасонанд. Қайд карда мешавад, ки арзиши маводи мардумшиносии ҷамъоваришуда дар он аст, ки дар дигар сарчашмаҳо ёфтани маълумоти пешниҳодкардаи посухдиҳандагон (респондентон) қариб ғайриимкон аст.

Key words: ethnographic research, field materials, informant, respondent, old-timer, memories, interview, the interviewer

The ethnographic materials studied, collected in the course of field work and defined by their role in historical science. Field records which were collected us during conversations with respondents, elderly people, residents of the city Khujand and its surroundings, most of which are it was 70 95 years old at the time of the interview, helped us light up many events national history, and in particular social layers city society. You should note that value of collected data ethnographic materials is that in other sources almost impossible find information, which give us informants.

Одними из важных источников исторической науки являются полевые этнографические материалы, которые собираются большей частью путём опроса людей, выступающих в качестве респондентов и способных дать полезную для исследователя информацию.

Особенно ценен полевой материал, когда он в определённой степени восполняет имеющийся пробел по исследуемому вопросу. А этих пробелов в истории Худжанда, особенно касательно

вопроса социальных изменений в жизни населения в первой трети XX века, предостаточно. К такому мнению мы пришли в период работы над диссертационным проектом, за время которого (с 2012 по 2020 г.) нами был собран обширный полевой этнографический материал путём бесед с респондентами – старожилками города Худжанда и его окрестностей, так как специфика диссертационной работы обусловила проведение устных опросов информантов как надёжного первоисточника по истории исследуемого периода. В качестве респондентов послужили люди пожилого и старческого возраста – от 70 до 95 лет, помнящие в той или иной степени достоверность событий первой половины XX века. Опросы интервьюеров в ходе полевых исследований проводились «кустарным» методом с опорой на заранее составленный анкетно-тематический вопросник, то есть на заранее выбранный субъект научного исследования.

Данный вид источников уникален и тем, что респонденты являются хранителями и ретрансляторами устной исторической памяти о жизни населения Худжанда в первой половине XX века, передающей дух того времени, с помощью чего нам удаётся рассмотреть порой мелкие подробности событий тех времён. Этнографические исследования в свою очередь дали нам возможность зафиксировать всевозможные пережитые явления, сохранив их описание для науки, что входит в обязанность историка-этнографа [3, с.7].

Собранные полевые этнографические материалы, записанные авторами в разные годы: 1972-1974, 1978-1988, 1995-2000, 2012-2020, ныне хранятся в их личных архивах. Полевые материалы собраны по заранее разработанному вопроснику и сгруппированы по разным темам, в частности, о хозяйственной деятельности, социальной структуре и социальной организации изучаемого региона. Много внимания уделялось перепроверке полученных данных и сбору сравнительного материала.

Так как авторы исследуют тему изменения социального состава населения Худжанда в 30-е годы XX века, вопросы респондентам задавались по этой теме. В период исследования было проведено более 130 интервью, в ходе которых опрашивались 30 интервьюеров только по городу Худжанду и его округе. Отрадно, что опрошенные нами информаторы смогли вспомнить события из жизни населения Худжанда и его окрестностей в 30-40-е годы XX века, свидетелями и очевидцами которых они были сами или же услышали о них из уст родителей, что даёт возможность для роста хронологической глубины и подтверждения достоверности получаемых сведений. Это помогает исторической науке реконструировать реалии общества Худжанда в конкретный исторический период во всей полноте благодаря новым подходам, сделать полнее наше представление об изменениях в социальном составе населения города и близлежащей округи в исследуемое нами время. Сообщения, переданные ими, имеют особую ценность для исторической науки, так как другим способом получить их уже невозможно: они стираются из исторической памяти последующих поколений.

Город Худжанд издревле считался признанным центром ремёсел и торговли, и, как показывают наши полевые материалы, в начале XX века среди его жителей все ещё доминировало ремесленно-торговое население. Так, наиболее распространённым занятием у ремесленников города было ткацкое производство, о чем свидетельствуют также архивные документы [2, с.122]. По воспоминаниям Героя Социалистического Труда – Хамро Тохировой (1924 г.р.), старожилки махалли Сари баланди, в 30-е годы в Калаинавской части города почти в каждом дворе имелся ткацкий станок. Её отец Усто Тохир и его «коллеги по цеху» Усто Пулот, Усто Дадобой считались видными мастерами по раскрашиванию тканей в яркие цвета – аврбандов (гулпартои), их труд пользовался спросом не только у горожан, но и у жителей пригородных сёл – Унджи и Кулянбир [29].

Другим не менее важным центром ткачества, по итогам полевых исследований, считалась Раззакская часть (даха) города Худжанда, жители которой в своём большинстве были заняты ремеслом, особенно ткачеством. Ткачи города в свою очередь разделялись на несколько подгрупп, таких как пиллакаш, даврагар, аврбанд, которые изготавливали несколько видов материй: алоча, карбос, бекасаб и др.[28].

Другой развитой ремесленной отраслью города, по словам наших информантов, являлась обработка кожи, которая шла главным образом на изготовление обуви. В существовавших в Худжанде ремесленных мастерских изготавливали мужскую обувь – кафш, детские сапожки, национальную обувь чорук или махси, которые носили с галошами. Кроме изготовления кожаных изделий, ремесленники пришивали заплатки к изношенной дефектной обуви, таким образом, подарив им вторую жизнь. Каждый мастер данного дела в свою очередь старался сохранить свой секрет обработки кожи [30].

Из всех ремесленных занятий, существовавших в городе, представительницы женского пола занимались в основном шитьем одежды в домашних условиях. По словам наших собеседниц, местные женщины шили национальные халаты – чапан, тюбетейки – туппи, ткали тесьму – джихак, платки – руймол и создавали другие швейные изделия. По воспоминаниям Зумрат Исобоевой (1930 г.р.), она, будучи девочкой, из-за введенных государством запретов на изготовление кустарных изделий, ходила продавать тюбетейки, изготовленные кустарным способом ее матерью, в Драгомирово (ныне Джаббарасуловский район). Однако, опасаясь представителей народной милиции, ей, как и другим частникам, приходилось продавать свои изделия знакомым подпольно [16].

В начале XX века в разных отраслях производства, связанных с широким рынком, сложилась и действовала новая социальная группа – скупщики, называвшиеся у местного населения «чаллоб». Из данной группы выделилась также отдельная категория «пахтачаллоб» – перекупщиков хлопка, сложившаяся в результате переориентации сельского хозяйства Средней Азии в колониальные годы на выращивание хлопка. По словам наших информаторов, «пахтачаллобы» Худжанда занимались скупкой хлопка, выращенного местными дехканами, и перепродажей его в другие города Ферганской долины – в Маргилан и Андижан [28, с.16].

Также мы должны отметить, что во внешней торговле Худжанда река Сырдарья играла немаловажную транзитную роль, о чем свидетельствуют слова наших респондентов. Так, по сообщению Наби Усмонова (1928 г.р.), жители квартала Кемачи, расположенного на севере Худжанда, недалеко от берега реки, раньше пользовались самодельным понтонным мостом – кема [28]. С помощью плотогонов – «кемачи», «солкаш» – местные торговцы переправлялись с левого берега Сырдарьи на правый и сплавливали свой товар до форта Казалинск [4, с.110].

Также среди населения Худжанда, как показали результаты наших исследований, имелось немало крупных землевладельцев, владевших огромными земельными наделами. Естественно, в этом случае байские хозяйства города не могли обойтись без наемной рабочей силы, которую нанимали на определенный срок (карори), или эти люди работали в качестве поденщиков (мардикоры) [1, с.430].

Далее, как уже мы выяснили, в качестве поденщиц работали и женщины. Так, по словам Зумрат Исобоевой (1930 г.р.), её мать, рано овдовев, чтобы прокормить детей, кроме основного занятия вышивальщицы тюбетеек, также пошла работать поденщицей местного бая. В её обязанности входило присматривать за землями бая от зари до зари, охраняя урожай на полях от прожорливых птиц [16].

Другим вопросом нашего исследования было выяснение существовавших социальных слоев среди жителей Худжанда, так как издавна население города относилось к разным прослойкам: халкия – простонародье, простолюдины и к представителям «голубой крови»: турахо, мирзохо, сайидхо, хучахо, эшонхо, махсумхо – религиозные сановники – «пайгамбарзода», считавшиеся аристократией города [5, с.114].

Отличительной особенностью названных прослоек, отделявшей их от простолюдинов, являлось то, что каждая из них занимала особое положение в социальной иерархии общества и соблюдала определенный этикет и традиции, как в семейном, так и в общественном быту. Результаты наших наблюдений подтвердили, что существовавшие в Худжанде сословия подчеркивали свою социальную принадлежность манерой поведения и особой речью. Чаще эти категории людей с особым почтением и уважением обращались друг к другу, несмотря на возраст, обращались к собеседнику на «вы», при обращении использовали слова почтения: «ойпошо», «пошохон», «турапочо», «эшон», «мирзо» и др. Также прибавляли к своим именам свойственные им части: «Саид», «Мирзо», «Хон», «Хуча», «Абду» и старались называть имена полностью, как положено. В свою очередь они ждали от других людей такого же уважительного обращения по отношению к себе [12, с.14].

В ходе полевых этнографических работ выяснилось, что большинство представителей данных сословий жили и продолжают жить в махаллях, расположенных в Раззакской части (западная часть) города, где в том числе расположена махалля «Турахо».

Также должны заметить, что, по нашим наблюдениям и беседам с респондентами, до сегодняшнего дня представители отмеченных прослоек города соблюдают давние обычаи своих предков и поныне придерживаются свойственных им манер. И сегодня данная категория людей все еще старается связать своих детей брачными узами с лицами из своей социальной группы и своего социального статуса.

Другой важной информацией, полученной нами в процессе полевых этнографических исследований, является тот факт, что населению Худжанда вплоть до 30-х годов XX века была

свойственна двуместность. Со слов наших информаторов, большинство жителей Худжанда имели кроме городских усадеб (хавлии шахр), загородные участки, расположенные в ближайших к городу и в отдаленных от него селениях: Унджи, Румон, Гозиён, Галамайдон, Седаста, Дигмай, Гулякандоз, и в других местах, вплоть до Спитаменского района [29, с. 25].

Как выяснилось дальше, наличие загородных участков сложило у горожан традицию менять местожительство по истечении двух сезонов. Так, со слов Бахринисо Собировой (1930 г.р.), родом из махалли Тути калон, Монад Саидовой (1925 г.р.) из махалли Кози Олимхон, их семья в прошлом имели родовые наследственные земельные наделы в селе Гозиён и ежегодно с приходом весны и до начала холодов проводили сезон земледельческих работ на загородных участках, во время пребывания на которых обрабатывали землю и ухаживали за плодовыми деревьями. С наступлением осени, после сбора урожая и завершения сельскохозяйственных работ, они возвращались с собранным урожаем и запасами на зиму в городские дома, и весь зимний сезон продолжали заниматься основным ремеслом [25, с.26].

Впоследствии, с установлением Советской власти, жителей Худжанда лишили двуместности. А точнее, по словам упомянутых информаторов Хамро Тохировой (1924 г.р.), Монад Саидовой (1925 г.р.), в 30-е годы советское руководство предложило в виде «ультиматума» горожанам, имевшим два и более домовладения, оставить дом в городе или покинуть загородный участок и одно из «ненужных» владений сдать в собственность государства [25, с.29].

Большинство ремесленников Худжанда из-за давления на них советских органов решило оставить городские дома и выбрать в будущем сельскую жизнь, так как на их ремесленную деятельность налагался большой налог и, более того, появились запреты на домашний промысел [29, с.13].

Как показали результаты наших опросов, вскоре среди худжандцев начались переезды с целью постоянного жительства в загородные родовые владения с надеждой на то, чтобы в дальнейшем на унаследованных от дедов и отцов землях вести хозяйство и кормить семью. Так, например, по словам Очаой Бободжоновой (1928 г.р.) в 30-х годах их семья, будучи жителями квартала Масчиди Савр, переехала жить на загородный участок, в Галамайдон, так как их деятельность «аллоф» (владельцы мельницы, занимавшиеся этим делом) к этому времени была сопровождена определенными ограничениями.

Спустя некоторое время в Галамайдон переехали и остальные родственники Бободжоновой О., имевшие там земельные участки с плодовыми деревьями, то есть сады [11].

Со слов Пулода Мирзоева (1929 г.р.), Нажмиддина Мансурова (1924 г.р.), оставленные худжандцами городские жилые дома, вскоре среди местного населения стали известны как «жаковские» дома, название произошло от словосочетания «жилищно-коммунальное хозяйство». «Жаковские» дома соответственно переходили в пользу государства, которое решало их дальнейшую судьбу. Чаще всего «жаковские» дома использовались под жильё для приезжих специалистов неместной национальности, особенно русскоговорящих, из европейской части страны, отчего у горожан они стали называться «ӯрусхона» – «дом русских» [17, С.18-32].

По утверждению Тутинисо Султоновой (1928 г.р.), жительницы махалли Раззок, ее нынешний жилой дом, приобретенный ею в 70-е годы XX века, некогда принадлежал состоятельному жителю махали – Касимбаю, а в 30-х годах стал числиться «жаковским» домом. В связи с этим дом несколько лет подряд служил в качестве читальни и детского сада [27].

Результаты нашей работы с респондентами показали, что в 30-е годы не только оставленные жителями дома стали служить под разные государственные помещения и учреждения, но и религиозные учреждения, в особенности мечети. А количество мечетей в городе в тот период составляло 154, в то время как количество махаллей в Худжанде было 146 [7]. А это говорит о том, что число мечетей в городе превышало количество существующих махаллей, следовательно, несколько махаллей имели по две мечети.

Так, со слов Абдуваххоба Джураева (1933 г.р.), прежде в махалле Чорбог находились две мечети и каждая из них принадлежала определенному приходу (кавм) [13]. А в 30-е годы XX века, по утверждению Нажмиддина Мансурова (1924 г.р.), одна из этих мечетей была передана управлению горводопровода. Спустя годы мечеть восстановили, однако управление горводопровода оставили здесь же, и теперь их разделяет только одна стена [17].

По сообщению Лутфинисо Назаровой (1930 г.р.), в 30-е годы в здании закрытой мечети, расположенной в махалле Чамбил села Унджи, местные жители начали выращивать коконы и она была превращена в своего рода цех [21]. Или судьба другой мечети – Авротхона, известной

как Масчиди сурх, расположенной в одноименной махалле Худжанда, сложилась так, что, после закрытия в 30-е годы, её превратили в продовольственный магазин [9].

Также, как выяснилось в ходе бесед с респондентами, приезжих из европейской части СССР в первое время размещали в опустевших городских мечетях. Так, несколько опрошенных нами информаторов сообщили, что в 30-е годы в закрытых мечетях махаллей Гузари Охун, Чорчирок, Масчиди Сурх, Кози лучакон и других по распоряжению местных властей стало жить приезжее население Худжанда, то есть русскоговорящие россияне [9, С.22-25].

В 30-е годы в Таджикистане активно шло переселение домохозяйств из разных районов республики в Вахшскую долину. Особое место в этом деле занимало переселение хозяйств из Худжанда, так как в тот период в городе насчитывалось большое число бывших ремесленников, лишившихся своего основного дела. В ходе полевых исследований один из затронутых нами вопросов касался именно переселения хозяйств из Худжанда в Вахшскую долину, и, как подтвердили наши информаторы, в 30-е годы таких случаев было много. Так, например, наш респондент и одновременно очевидица этих событий Истаднисо Рахимова (1927 г.р.), которая, будучи ребёнком, ощутила все тяготы переселения на чужбину, вспоминает, что её отец, дехканин из квартала Дехнав, Зиёбой Нодиров (известный как Зиёбой Саркор) в первой половине 30-х годов вместе с женой и двумя малолетними детьми переселился в Вахшскую долину. Мотивом для их переселения послужило то, что многие родственники и знакомые семьи Зиёбая Саркора уже были переселены на Вахшские земли. Спустя пять лет после жизни на чужбине семья Зиёбая Саркора вернулась в родной город и далее начала работать в колхозе им. М.В. Фрунзе Ходжентского района [23].

Похожая судьба сложилась и у семьи Абдугаффора Кодирова из махалли Турахо, которая в начале 30-х годов по своей инициативе переместилась в Колхозабадский район на юге республики и на протяжении десяти лет жизни там работала во вновь организованном худжандцами переселенческом колхозе им. М.В. Фрунзе. Об этом сообщила Бободжонова Мархамат (1924 г.р.), дочь Абдугаффора Кодирова, которая, будучи девочкой, стала очевидицей этих событий. По её словам, переселенцам предлагались также льготы: выделение земельной площади, строительные материалы, которые были направлены на строительство жилья для переселенческих хозяйств [10].

Кроме того, в результате наших бесед с респондентами выяснилось, что Вахшская долина считалась своего рода спасением для лиц, которые могли подвергнуться раскулачиванию, на чем мы остановимся ниже. Так, например, Ахмадджон Рахматзод, председатель Союза писателей Согдийской области, который родился и вырос на Вахшской земле, в ходе беседы рассказал, что в 1932 году группа переселенцев из селения Гозиён была отправлена в Вахшскую долину и водворена в Кагановичабадский район (ныне район им. Джалолиддина Балхи). В этой группе находился и отец Ахмадджона Рахматзода - Рахматбой Джураев, сын и наследник бывшего крупного худжандского землевладельца Джурабая Баротова. Несмотря на то, что Джурабой Баротов передал Советской власти все свое имущество - три жилых дома в Худжанде, крупные земельные участки со всем инвентарём и рабочим скотом, он всё время опасался, что его семья может подвергнуться раскулачиванию. В связи с этим, когда встал вопрос о переселении в Вахшскую долину, семья Джурабая Баротова одной из первых согласилась на переселение [24].

Следует отметить, что среди опрошенных нами респондентов были и те, которые стали очевидцами жестокого явления – раскулачивания, сопровождавшегося социально-политическими и экономическими репрессиями Советской власти против зажиточного крестьянства [6, с.2]. Так как до нынешнего времени данное событие практически полностью не является рассекреченным фактом, собранные нами материалы основываются в основном на предъявленной респондентами информации и на мемуарах авторов, которые испытали на себе все тяготы этого явления.

Мухиддин Ходжазод, современный писатель и поэт, испытавший все тяжести жизни после раскулачивания, в ходе беседы с нами вспоминал, что в 1931 году его отца Олимхона Махсума – мударриса худжандского медресе Намозго, который владел в местности Курук родовым земельным владением, вместе с 25 тысячами человек из Средней Азии раскулачили и выслали на Кавказ, где в будущем и родился наш информатор [31].

О раскулачивании худжандцев и их выселении на Кавказ свидетельствуют не только воспоминания отдельных людей, но и произведение фольклора, услышанное нами из уст респондента Улмасой Дадобоевой(1924 г.р.), которое было приведено нами в предыдущих научных статьях [8].

По словам другого нашего информанта Очанисо Зиёватдиновой (1944 г.р.) – жительницы села Улугбек Республики Узбекистан, волею судьбы ставшей невесткой семьи Зиёватдиновых, раскулаченных в 30-х годах и отправленных в Дилварзинскую степь из села Костакоз, в те годы, когда власти просили ответственные органы принести шапку, то им преподносили голову [15].

Классовая и религиозная принадлежность людей также вызывала подозрения у Советской власти. Это послужило тому, что многие представители этих сословий подверглись репрессиями. Так, по словам респондента Гавхар Набиевой (1933 г.р.), она, будучи ребенком, стала свидетелем, как её отца – муллу Саиднабихона из знатного сословия «турахо», арестовали и потом выслали в неизвестное место, после чего он уже не вернулся [20].

Опасаясь репрессий, многие лица, которые ранее принадлежали знатному и религиозному сословию, сами покидали места жительства и переправлялись в другие районы, где о них знали мало и где они не могли стать объектом чей-то неприязни. Так, например, по словам Нажмиддина Мансурова (1924 г.р.), его отец, мулла Мансур, который был выпускником медресе Бухары, опасаясь ареста, в 30-е годы с семьей перебрался в Науский район (ныне Спитаменский район) и жил там до определенного времени [17].

Как показали результаты полевых исследований, села Гулякандоз, Тагояк Спитаменского района в эти годы превратились в своего рода убежище для худжандцев, которые могли подвергнуться раскулачиванию. По воспоминаниям Тоджинисо Мухиновой (1937 г.р.), ее родители в 30-е годы из махалли Сари Санг переехали в Гулякандоз, где впоследствии родилась наша информатор. Лишь спустя два десятилетия их семья вернулась на прежнее место жительства, однако в Гулякандозе до сих пор живут ее родственники, которые предпочли остаться там [19].

Таким образом, используя все доступные нами нормативные источники - интервью, устные истории, опубликованные воспоминания современников – в ходе исследовательской работы мы смогли вкратце осветить основные грани событий 30-х годов, происходивших в жизни худжандцев в тот мрачный исторический период. Собранные полевые материалы позволили нам значительно дополнить и более объективно истолковать исторические события 30-х годов XX века, извлеченные нами из научной литературы и архивных документов, и дополнить собранными полевыми материалами. Также должны отметить, что результаты наших полевых этнографических работ особенно ценны тем, что они впервые вводятся в научный оборот, и это весьма значимо для нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антоненко, Б.А. Революционный переворот в сельском хозяйстве Таджикистана /Б.А. Антоненко, Я.Ш. Шарипов// Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. – М., 1963. – 560 с.
2. ГАСО, Ф. 88, оп. 1, д. 41, лл. 1-122.
3. Громов, Г. Методика этнографических экспедиций/Г. Громов. – М., 1966. – 108 с.
4. Турсунов, Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII – начале XX вв./Н.О. Турсунов. – Душанбе, 1991. – 540 с.
5. Худжанд. Энциклопедия. - Душанбе, 1999. – 928 с.
6. Шашков, В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев, 1930-1954 гг.: автореф. дисс. док. ист. наук./В.Я. Шашков. – М., 1995.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // Стахановчи: №5. - 1940. – 1 мая.

Респонденты:

8. Дадобоева, Улмасой, 1924 г.р., жительница махалли Кози Лучакон г. Худжанда.
9. Бободжонов, Мухтор, 1936 г.р., житель махалли Масджиди Сурх г. Худжанда.
10. Бободжонова, Мархамат, 1924 г.р., жительница махалли Раззок г. Худжанда.
11. Бободжонова, Очаой, 1928 г.р., жительница села Гозиён Бабаджан Гафуровского района.
12. Бободжонова, Камарнисо, 1941 г.р., жительница махалли Масджиди Сурх г. Худжанда.
13. Джураев, Абдувахоб, 1933 г.р., житель махалли Чорбог г. Худжанда.
14. Зарипова, Шарафнисо, 1944 г.р., жительница махалли Себзор г. Худжанда.
15. Зиёватдинова, Очанисо, 1944 г.р., жительница села Улугбек Республики Узбекистан
16. Исобоева, Зумрат, 1930 г.р., жительница махалли Чорчирок г. Худжанда.
17. Мансуров, Нажмиддин, 1924 г.р., житель махалли Себзор г. Худжанда.
18. Мирзоев, Пулод, 1929 г.р., жительница махали Кунгуроксозон г. Худжанда.
19. Мухинова, Тоджинисо, 1937 г.р., жительница махалли Раззок г. Худжанда.
20. Набиева, Гавхар, 1933 г.р., жительница махалли Раззок г. Худжанда.
21. Назарова, Лутфинисо, 1930 г.р., жительница села Унджи Бабаджан Гафуровского района.

22. Нуриддинова, Бону, 1933 г.р., жительница махалли Чорчирок г. Худжанда.
23. Рахимова, Истаднисо, 1927 г.р., жительница села Чилсола Б.Гафуровского района.
24. Рахматзод, Ахмадджон, 1953 г.р., житель села Гоziён Б. Гафуровского района.
25. Саидова, Монад, 1925 г.р., жительница махалли Гузари охун г. Худжанда.
26. Собирова, Бахринисо, 1930 г.р., жительница махалли Чорбог г. Худжанда.
27. Султонова, Тутинисо, 1928 г.р., жительница махалли Раззок г. Худжанда.
28. Султонов, Дадоджон, 1941 г.р., житель махалли Чорчирок г. Худжанда.
29. Тохилова, Хамро, 1924 г.р., жительница махалли Сари Баланди г. Худжанда.
30. Усмонов Наби, 1928 г.р., житель махалли Кушхавз г. Худжанда.
31. Ходжазод, Муҳиддин, 1938 г.р., житель махалли Сугдиён г. Худжанда.
32. Юсупова, Хайринисо, 1927 г.р., жительница махалли Маддохон г. Худжанда.

REFERENCES:

1. Antonenko B.Revolutionary coup in agriculture.Essays on the history of collectivization of agriculture in the union republics\B.Antonenko,Y.Sh.Sharipov.–M.,1963.–560 p.
2. State Archive of Sughd Viloyat (SASV), F.88, Inv.1, C.41, P.1-122.
3. Gromov, G. Methods of ethnographic axpeditions/G.Gromov.–M.,1966.–108 p.
4. Tursunov, N.O. Development of urban and rural settlements in Northern Tajikistan in the XVIII – in the early XX centuries/N.O.Tursunov.–Dushanbe, 1991. – 540 p.
5. Khujand – Encyclopedia. – Dushanbe, 1999. – 928 p.
6. Shashkov, V.Y. Deculakization in the USSR and the fate of immigrants 1930 - 1954.: autoabst. diss. doc. of. his/V.Y.Shashkov.– M., 1995.
7. Encyclopedic dictionary of Brokgauz and Efron // Stahanovchi, №5. - 1940. – may 1st.

The List of Sources:

8. Dadoboeva Ulmasoy 1924 an Inhabitant of Kozi Luchakon Area in Khujand.
9. Bobojonov Muhtor 1936 an Inhabitant of Masjidi Surh Area in Khujand.
10. Bobojonova Marhamat 1924 an Inhabitant of Razzok Area in Khujand.
11. Bobojonova Ochaoy 1928 an Inhabitant of Ghoziyon Village, B. Ghafurov District.
12. Bobojonova Kamarniso 1941 an Inhabitant of Masjidi Surh Area in Khujand.
13. Juraev Abduvahhob 1933 an Inhabitant of Chorbogh Area in Khujand.
14. Zaripova Sharafniso 1944 an Inhabitant of Sebzor Area in Khujand.
15. Ziyovatdinova Ochaniso 1944 an Inhabitant of Ulugbek Village, Republik of Uzbekistan.
16. Isoboeva Zumrat 1930 an Inhabitant of Chorchirog Area in Khujand.
17. Mansurov Najmiddin 1924 an Inhabitant of Sebzor Area in Khujand.
18. Mirzoev Pulod 1929 an Inhabitant of Kunguroksozon Area in Khujand.
19. Muhinova Tojiniso 1937 an Inhabitant of Razzok Area in Khujand.
20. Nabieva Gavhar 1933 an Inhabitant of Razzok Area in Khujand.
21. Nazarova Lutfiniso 1930 an Inhabitant of Unji Village, B. Ghafurov District.
22. Nuriddinova Bonu 1933 an Inhabitant of Chorchirog Area in Khujand.
23. Rahimova Istadniso 1927 an Inhabitant of Chilsola, B. Ghafurov District.
24. Rahmatzod Ahmadjon 1953 an Inhabitant of Ghoziyon Village, B. Ghafurov District.
25. Saidova Monad 1925 an Inhabitant of Guzari Okhun Area in Khujand.
26. Sobirova Bahriniso 1930 an Inhabitant of Chorbogh Area in Khujand.
27. Sultonova Tutiniso 1928 an Inhabitant of Razzok Area in Khujand.
28. Sultonov Dadojon 1941 an Inhabitant of Chorchirog Area in Khujand.
29. Tohirova Hamro 1924 an Inhabitant of Sari Balndi Area in Khujand.
30. Usmonov Nabi 1928 an Inhabitant of Kushhavz Area in Khujand.
31. Hojazod Muhiddin 1938 an Inhabitant of Sugdiyoyon Area in Khujand.
32. Yusupova Hayriniso 1927 an Inhabitant of Maddohon Area in Khujand.